

“Культура, полученная ценой физического калечения... куда вреднее некультурности”

О книге Э. Демолена “Новое воспитание”

Валентин КУМАРИН, доктор педагогических наук, профессор

В конце прошлого века в Европе разразился первый за всю историю человечества педагогический кризис. Сильнее всего он ударил по Германии и Франции, в которых детей учили по единым учебным планам и программам, полагая, что именно таким образом и решается проблема “социальной справедливости” в школе.

Общую картину этого кризиса профессионально обрисовал и раскрыл его причины непосредственный участник событий профессор Людвиг Гурлитт (1855–1931). До того как стать теоретиком педагогики, он 25 лет преподавал латынь в прусских гимназиях и прекрасно знал их поднаготную. Его книга “Воспитание мужества” вышла из печати в 1906 г. (русский перевод: “О воспитании”. СПб., 1911) и разнесла вдребезги официальные мифы об образцовой немецкой школе и представила подлинную картину того, что натворила в Европе “социальная справедливая” школа с её “государственным образовательным стандартом”.

Привожу лишь один фрагмент этой масштабной и — подчеркну ещё раз — безусловно профессиональной педагогической панорамы-исследования: “Почему-то вкоренилось убеждение, что в наше время так называемому образованному человеку необходимы многочисленные и самые разнообразные познания и что эти познания могут быть приобретены юношеством только ценой 7–8-часового сидения и труда. Когда же наконец станет ясно, что это убеждение просто теоретический произвол? Нужно только взять да выкинуть те познания, которые в наши дни считаются необходимыми, и они просто перестанут для нас существовать” (*Гурлитт Людвиг. О воспитании. СПб., 1911. С. 36*).

И тут же: “Культура, полученная ценой физического калечения, ничего не стоит и куда вреднее некультурности. Нельзя считать целью жизни — уродливым подготовлением к ней самой — то, что делает непригодным к самой жизни. Всё наше воспитание, если оно возвращает нам столько физических калек, узкогрудых, близоруких, малокровных, нервных, а потому и безвольных и раздражённых людей, идёт по ложной дороге, и всё, что вынуждает её идти по этому пути ошибок, должно быть немедленно и с корнем вырвано из жизни народов” (там же).

Наложите этот фрагмент на всю историю советско-российской школьной действительности, и вы увидите, что они совпадут практически всеми своими точками. Разница лишь в том, что в той же Германии информацию о школе постоянно считывал и сам император, пополняя её чрезвычайно характерными фактами из собственной совсем недавней — Вильгельму II не было ещё тридцати — гимназической жизни, а у нас её, хоть над ухом кричи, не слышит даже министр образования, не говоря уж о президенте. Хороши и родители: чтобы выбить зарплату, ложатся на рельсы (и правильно делают), но чтобы вот так же встряхнуть школу, которая калечит их детей, руки не доходят.

Во Франции примерно в то же время всей стране раскрыл глаза на положение в школе известный педагог и писатель-публицист Эдмон Демолен (1852–1907) в двух своих книгах, ставших бестселлерами. Первую он назвал с явным вызовом, чтобы побольнее наступить на патристическую мозоль своих беспечных земляков: “От чего зависит превосходство англосаксов” (“*A quoi tient la supériorité des Anglo-Saxons*”, 1897). Его расчёт оправдался полностью. Ещё бы! После таких откровений хоть войну объявляй: “Мы не можем сделать шага, не встретив англичан, не можем взглянуть на наши бывшие владения, не видя там развевающегося английского флага. Англосакс вытеснил нас из Северной Америки, которую мы занимали от Канады до Луизианы, из Индии, с острова

Маврикия, прежнего Иль-де-Франса и из Египта. Англосакс господствует над Америкой, владея Канадой и Северными Штатами; над Африкой — через Египет и Капленд; Азией — посредством Индии и Бирмании; Океанией — посредством Австралии и Новой Зеландии; Европой и всем миром — посредством своей торговли, промышленности и политики” (Демолен Э. Новое воспитание // Из предисловия к 1-му французскому изданию. М., 1900. С. 1).

Эти и другие малоприятные для французов факты автор объяснял тем, что англосаксонская система образования намного совершеннее образовательной системы Франции и других стран. Если французское образование “работает” на общее развитие и на общую культуру, то англосаксонские учителя озабочены тем, чтобы с пелёнок возвращать безупречно здоровое и практичное поколение. Английский джентльмен — это не только утончённые манеры, единство слова и дела, порядочность и надёжность в общении, твёрдость в соблюдении “правил игры” в бизнесе и политике, но и прямо-таки невероятная рукастость. Что бы англосакс ни делал — сеял хлеб или пас скот, пёк пироги или точал сапоги, строил дома и корабли, пряд, ткал и шил, учил и воспитывал — всё у него получалось добротнo, с большим КПД и дешевле, чем у других.

Привлекая внимание к этому факту, Демолен даёт понять, что в подобных случаях только безмозглые позволяют себе роскошь искать “собственный путь” и разглагольствовать о непатриотичности стремления пойти к кому-то в подмастерья. Отсюда и демоленовская мораль: чем “сердито показывать кулак англичанам”, не полезнее ли “мужественно взглянуть на положение дела и пожелать с ними сравняться”, разобраться во всех секретах “этой удивительной способности распространяться и этой необыкновенной цивилизующей силы”? (там же, с. 3) Предки нынешних англичан — кельты, норманны, саксы — тоже ведь не брезговали ученичеством, жадно перенимая культуру Древнего Рима.

Реакция на книгу Демолена была во Франции столь бурной, что почти сразу перекинулась на другие европейские страны, а вскоре и на Россию. Но пока в Европе бушевали страсти и народ требовал радикальной школьной реформы, которая в конце концов и была проведена, Россия готовилась к отпору. Сопrotивление педагогическому вольнодумству Запада возглавил человек, который в иерархии царской власти был вторым лицом, таким же примерно, как в нашем недавнем прошлом секретарь ЦК КПСС по идеологии, и назывался обер-прокурором святейшего Синода. В то время обязанности “второго лица в государстве” исполнял Константин Петрович Победоносцев (1827–1907), юрист по образованию, крайний приверженец “православия, самодержавия и народности”, махровый ретроград, о чём так выразительно сказал в своём знаменитом четверостишии из “Возмездия” Александр Блок:

*“В те годы дальние, глухие
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простёр совиные крыла”.*

Почувяв волчьим чутьём угрозу, Победоносцев решил упредить накат на Россию новой волны “декабристских умонастроений”. Он распорядился немедленно доставить ему из Франции дерзкую книгу, внимательно изучил её, собственноручно, но весьма вольно перевёл на русский язык, дал ей совершенно другое название — “Новая школа”, а на титульном листе вместо имени автора едва различимым латинским шрифтом привёл сатиру из Горация: “Mutato nomine, de te fabula narratur” (“Басня сказывается о тебе, изменено только имя”). Остальные выходные данные в полном порядке: “Издание К.П. Победоносцева. Москва. Синодальная типография. 1899 г.”. Дозволено цензурою. Москва. Мая 12-го дня, 1899 г.”.

Предисловие Демолена, в котором раскрываются причины превосходства англосаксов над французами, в переводе-пересказе, конечно, опущено. Вместо него Победоносцев написал собственное предисловие, в котором и сформулировал все необходимые по этому

случаю идеологические установки. Вот главная, не подлежащая обсуждению: “Предполагаемая автором конструкция школьного дела, по образцу английских коллегий, без сомнения, не может служить образцом, универсальным для всякого быта и для всякой экономии, и, конечно, для применения этой формы всего менее условий представляет Россия”.

Не правда ли, какая знакомая аргументация? Точно, до мельчайших деталей скопировать прусскую гимназию — это пожалуйста. Для неё и российский “быт” подходит, и даже “экономия” не мешает, хотя кому неизвестно, что в ту пору российская “экономия” была так же похожа на германскую, как наша сегодняшняя — на “экономии” США. Нынешние победоносцевы из научных верхов тоже всячески остерегают нас от западных “образцов” и “моделей”. Они не задаются вопросом, почему модель как влитая, сидит на Японии, Южной Корее, Тайване, Сингапуре (у которого, кстати, самые лучшие школьные показатели) и даже на Германии? Они это видят, но их не убеждает, что к американской модели уже давно причаляли Индия, Китай и десятки других стран. Но если американская модель устраивает полмира, то нам-то что мешает обратиться к ней? Оказывается, вот что: нам подходит только такая модель, которая “не разрушает образовательное пространство”, но зато один за другим корёжит поколения страны, выпуская из стен школы 90% больных людей и почти столько же, которые в лучшем случае довольствуются бессистемными верхушками “государственного образовательного стандарта”.

“Логика” Победоносцева и “логика” его эпигонов из нашего Наробраза и АПН-РАО не выдерживает никакой критики в сравнении со здравым смыслом. Вот пример. 125 лет назад в забытый Богом и людьми, убогий, типично русский посёлок того времени прибыл для организации военно-промышленного бизнеса младший из братьев Нобелей, которого звали Людвигом. Когда он увидел, где и с кем ему предстоит ковать оружие для славной российской армии, он, наверное, весьма взгрустнул, но духом не пал. Тут же выписал из Швеции около пятидесяти отменных специалистов и, следуя золотому правилу англосаксонского бизнеса: утром инвестиции — вечером прибыль, — распорядился: “экономии”, т.е. дышащий на ладан кустарный заводик, переделать в европейское предприятие, местные кадры переучить, так называемый быт преобразовать, с согласия граждан, в шведскую модель. Нобель-младший просчитал и учёл всё: талантливость русского человека, его готовность и способность сворачивать горы, когда он видит, что хозяйствуют с мозгами, самоотверженность и домовитость русской женщины, её рукодельность. Это же клад, который искать и откапывать не нужно.

Через два года, а если точно, то в 1877 г., Людвиг Нобель снова пожаловал в Ижевск для инспекторской проверки. Вот запись в его дневнике: “...Однажды, остановившись против церкви в праздничный день, я имел удовольствие видеть, что босоножек нет, а жёны и дочери рабочих обуты в сапожки, нередко щеголяют зонтиками и другими признаками материального довольства...”

Специально для обустройства пресловутого “быта” хозяин (в изначальном смысле этого слова!) распорядился наладить за счёт своих барышей производство листового железа и хозяйственной утвари. Посёлок засиял, как новый целковый: на месте истлевшей соломы легла железная кровля, в каждом доме появились лёгкие металлические умывальники, жестяные вёдра, корыта. На улицах зажглись фонари, начал действовать первый в посёлке водопровод, новый, оборудованный по европейским меркам лазарет принял первых пациентов.

Вот вам и “собственный путь”, и “объективные условия”, и “менталитет”. Сказки это всё. Скучные и неинтересные. Все это выдумки номенклатурных балбесов, которые давно поняли, что они вчерашние, но из насиженных кресел добровольно вылезти не хотят.

...Спустя год после первой книжки, которая произвела столь большое впечатление и разворошила весь европейский педагогический муравейник, Демолен издаёт вторую — “Новое воспитание. Школа Рош” (“L'edukation nouvelle. L'ekole des Roches”). В ней, кроме

расширенного описания двух английских экспериментальных школ, которые из тогдашнего прообраза будущей массовой школы давно превратились в реальные образцы, автор рассказывает и о том, как он, пока все шумели и спорили, открыл во Франции две школы, в точности скопированные с английского образца. Материально помогли в этом дальновидные спонсоры, среди которых были и несколько сенаторов. Лейтмотив остался прежним: если французские образованцы не сделают выводы из превосходства английской школы, экономическое и политическое отставание Франции будет постоянно увеличиваться. Ещё и ещё раз предупреждая об этом, Эдмон Демолен пишет: “Величайшая опасность для нас, величайший наш противник не за Рейном (т.е. Германия. — В.К.), как мы думаем (от этого врага нас освободят милитаризм и социализм), но главная опасность, главный соперник за Ламаншем и по ту сторону Атлантического океана, всюду там, где поселяется англосаксонский пионер или фермер. Им пренебрегают, потому что он появляется не так, как немец, с многочисленной армией и усовершенствованным оружием, а в одиночку и с плугом в руках. Пренебрегают им потому, что не знают, что значит плуг и что значит такой человек. Когда это будет известно, тогда поймут, в чём заключается опасность и в чём надо искать защиты от неё” (Демолен Э. Новое воспитание. М., 1900. С. 87).

Новую книгу французского возмутителя спокойствия без проволочек перевели и в России. Но на сей раз обычным способом и в обычном, а не в синодальном издательстве. Бояться было нечего. Установки К.П. Победоносцева успели дойти до всех тогдашних “школьных” начальников и были приняты к неукоснительному исполнению. Об этой оперативности почтеннейше уведомляет читателей книги в новом предисловии некто, укрывшийся за словами “От издателей”. В свете установок Победоносцева этот некто предупреждает читателя: “Что касается до развития личной самостоятельности, то по существу дела это есть, без сомнения, важнейший пункт требований автора, но... он имеет наименьшее непосредственное применение к русской жизни” (там же, с. 7).

Вот так. Раз у англичан всякие там парламенты и свободы, то им есть к чему приложить и личную самостоятельность. А русским она для чего? Где они могут её “применить”? И ведь на самом деле негде: если царь — то самодержец, если генсек — то диктатор, если президент — то единоначальник, он же самодержец. Значит, нечего и валандаться с ней в семье, на фабрике, в школе. Более того, продолжает этот некто, не только личная самостоятельность, но и все прочие качества англичан смотрятся на русском, как седло на корове, и всё по той же причине: “Условия общественной жизни в России и Англии... настолько различны, что качества, требуемые от человека там, оказываются совсем не теми, какие требуются у нас” (там же).

А мы-то, простофили, все на Маркса грешим. Считаем, что только он вешал нам лапшу на уши, доказывая, что не человек строит себе общество по своим врождённым потребностям, а совсем наоборот — общество, которое невесть откуда берётся, “новообразует” человека.

Дитя английского образования, Людвиг Нобель даже подумать не мог, что русские сделаны из другого теста, чем он. Что из-за “разницы общественных условий”, а конкретно — из-за культурной отсталости, которая всюду ведёт к нищете и голодранству, у них “новообразовались” какие-то особые качества и ему надо приспособливаться к ним при помощи какой-то особой педагогики. Пришёл, увидел, что людям требуется, чтобы хорошо работать и хорошо жить, и, действуя точно так же, как действовал в культурных странах, победил в два счёта.

Книге Демолена тоже пытались мешать в расчистке европейских педагогических конюшен. Но тамошняя интеллигенция, включая Л. Гурлитта, Г. Кершенштайнера, Г. Вюнекена, А. Зикингера, Г. Литца и др., не подкачала. Она даже германского императора уговорила поддержать школьную реформу, что и предрешило благополучный исход борьбы “не на жизнь, — как пишет Демолен, — а на смерть”.

Кто сейчас не знает у нас отработанных за многие десятилетия аргументов Минпроса и

АПН-РАО, которыми они успешно отводят от себя обвинения общественности в развале школы, в том, что именно они способствовали её превращению в ненасытного вампира? Остаточное финансирование, нехватка помещений и оборудования, непутёвые родители, которые плохо готовят детей... к школе (!) и не “помогают” делать домашние задания, — эти, с позволения сказать, “аргументы” мы слушаем вот уже скоро полвека. Посрамлением, осмеянием этих “аргументов” Демолен и начинает свою книгу: “Если немцы нас победили (Франко-Прусская война 1870–1871 гг. — **В.К.**), то это потому, что их школы были превосходнее наших: немедленно мы расширили (!) наши учебные программы и увеличили число школьных помещений. Если дело касалось обучения, никакая роскошь не казалась нам преувеличенной; у нас был период школьных дворцов. Мы разорялись на это с увлечением не меньшим, чем у любого расточителя” (там же, с. 15).

Закачав в образование ещё больше, чем советская власть, спохватившись, стала закачивать в сельское хозяйство, французы с замиранием сердца и в надежде на то, что их кровные принесут педагогические дивиденды, начали ждать результатов. И дождались: “расширение программ совпало с видимым ослаблением знаний”, “средний результат экзаменов понижается тревожным образом”, “развитие школы увеличило число людей, потерявших своё положение, число не способных к труду, что оно (развитие школы. — **В.К.**) грозит серьёзной опасностью”.

Французский Минпрос и профессора Сорбонны, которые уверяли, что, после того как образование получило даже больше, чем просило, “страна снова поднимется”, поначалу пытались игнорировать эти горькие реалии. Но вскоре и они поняли: шила в мешке не утаишь, а повинную голову меч не сечёт. Они принародно признались в непредумышленном обмане и честно сдались на милость великодушных оппонентов, которые с самого начала добивались, — а теперь и добились, — прежде всего, коренного, радикального пересмотра именно теоретических основ школьного дела, доказывали и доказали, что причина школьного кризиса именно в них, изначально порочных, а потому таких разрушительных.

В числе принимавших “капитуляцию” французского Минпроса был и выдающийся литературный критик, писатель, драматург, член Французской академии, страстный поборник природосообразной педагогики Франсуа-Жюль Леметр (1853–1914). После такой “безоговорочной капитуляции” (5 июня 1898 г. в Сорбонне) он перед всем парижским бомондом произнёс свою знаменитую речь в честь победы над ретроgrадами. В этой речи он систематически изложил педагогическую доктрину реформаторов, а скептиков “успокоил” чисто вольтеровским, оптимистическим сарказмом: “При любом исходе реформы никто и ничего не потеряет, ибо для большинства детей нашей буржуазии плодотворное элементарное образование было бы лучше, чем бесплодное среднее”, а также потому, что “всем известно, что девять десятых (запомним эту пропорцию, отражающую “установку” самой природы, многократно подтверждённую в самых разных странах, а теперь объяснённую и генетикой. — **В.К.**) учеников ничего не приобретают от классического (читай: стандартизованного, унифицированного, усредняющего. — **В.К.**) образования; значит, они ничего не проиграют при новом образовании (читай: приновленном к их врождённым способностям. — **В.К.**), а выиграют то, что менее отупеют” (там же, с. 229).